

А.А. Шилов

**Деятели революционного движения в России
от предшественников декабристов до падения
царизма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.А. Шилов**
Деятели революционного движения в России: от предшественников декабристов до падения царизма / А.А. Шилов – М.: Книга по Требованию, 2015. – 224 с.

ISBN 978-5-518-04003-8

Деятели революционного движения в России: от предшественников декабристов до падения царизма. Био-библиографический словарь. Том 2: Семидесятые годы, выпуск 1: А-Е.

ISBN 978-5-518-04003-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДЕЯТЕЛИ
РЕВОЛЮЦИОННОГО
ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ
БИО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ

ТОМ ВТОРОЙ
СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

ВЫПУСК I
А—Е

СОСТАВЛЕН
А. А. ШИЛОВЫМ и М. Г. КАРНАУХОВОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ.

По плану, намеченному в 1924 г., первый том справочника «Деятели революционного движения в России» предполагалось разделить на три части (т I, вып. 1, стр. XXI); в первую из них должны были войти деятели перв. пол. XIX в., во вторую—деятели 1860-х г.г. и в третью—народники и народолюбцы, участники движения 1870—1880-х г.г. Окончательная проработка печатных источников, увеличивавшихся с каждым годом, и неизбежное для более позднего периода привлечение архивных материалов сильно увеличило библиографию, дало ряд новых биографических сведений и, главным образом, выявило огромное количество лиц, принимавших участие в революционном движении. Насколько увеличилось количество лиц, видно из следующего сопоставления. В вышедшем первом выпуске первого тома (от предшественников декабристов до сред. 1850-х г.г.) на букву А было всего 44 фамилии, на букву Б—84, на букву В—59; всего на три буквы—187 фамилий. Во втором выпуске первого тома («шестидесятые» годы) на те же первые буквы уже было дано 288 фамилий (А—67, Б—136, В—85). Для одних же «семидесятых» годов на те же буквы приходится 970 (А—295, Б—377, В—298).

Такое увеличение объема повлекло коренное изменение первоначального плана и заставило вышедшие два выпуска объединить в первый том, а предполагавшуюся третью часть (70—80-е г.г.) разбить на два тома с самостоятельным алфавитом для каждого: во втором томе сосредоточить деятелей «семидесятых» годов (до возникновения «Народной Воли»), а в третьем и четвертом томах—деятелей «восемидесятых» годов (от образования «Народной Воли» до ее гибели). Кроме народолюбцев, в указанные томы предполагается включить и другие народнические группы «восемидесятых» годов (чернопередельцы, народники), но зато изъять из него представителей ранних социал-демократических кружков (группа «Освобождение труда», Благоевский, Мельниковский, Федосеевский и др. кружки), которые войдут в четвертый, пятый и шестой томы, посвященные социал-демократам¹⁾. Выделить «семидесятые» годы в особый том заставляет еще то обстоятельство, что благодаря об'ему (40—50 печатных листов) его придется дать в нескольких выпусках, разбив механически алфавит в каждом, как это придется сделать и с последующими томами.

Настоящий том справочника, посвященный «семидесятым» годам, охватывает период менее десяти лет: от 1870 г. до сред. 1879 г. Нечаевское дело, являющееся естественным завершением предыдущего периода, служит гранью между «шестидесятыми» и «семидесятыми» годами. Студенческие кружки «самообразования и практической деятельности» (такое удачное название носил один из московских кружков) самого начала 1870-х г.г., объединенные

¹⁾ См. второй выпуск I тома.

в 1872—1873 г.г. петербургским кружком «чайковцев», подготовка к «хождению в народ», широкая пропаганда в деревне и в городе и связанные с нею процессы, деятельность южных террористических групп, народнических национальных кружков и, наконец, общества «Земля и Воля»—вот те хронологические моменты революционного движения, участники которых входят в настоящий том. Липецкий и Воронежский съезды, происходившие в середине 1879 г.—момент формального образования новой партии, партии «Народная Воля», в свою очередь, являются конечной гранью, которой формально заканчиваются «семидесятые» и начинаются «восьмидесятые» годы.

Благодаря этой конечной дате, не только «народовольцы», но и революционные деятели, арестованные и привлекавшиеся к дознанию во втор. пол. 1879 г., отнесены нами к следующему периоду («восьмидесятые» годы). В виде исключения в настоящий том вводятся немногие лица, связанные с распространением землевольческих изданий, хотя бы они и привлекались во второй половине 1879 г.

Вопрос о лицах, начавших действовать в «семидесятых» годах и продолжавших свою революционную работу в «восьмидесятых», разрешается нами так же, как и для предыдущего периода. Во второй том («семидесятые» годы) нами введены те лица, которые являлись а к т и в н ы м и участниками революционного движения «семидесятых» годов и о с н о в н а я деятельность которых протекала в этот период. Для тех же лиц, которые, хотя и начали работать среди землевольцев, а иногда и в более ранних кружках и группах, но т е с н е й ш и м образом связаны с народовольчеством, мы, как и раньше, указывая полностью фамилию, имя и отчество, делали лишь ссылку на следующий том справочника («восьмидесятые» годы).

Известные неудобства, проистекающие отсюда (суб'ективизм при отнесении лица к той или другой эпохе, равно как и дробление справочника по эпохам, с особым алфавитом для каждой), представляются нам лишь временными и легко восполняются общим алфавитным указателем, который позволит сразу ориентироваться во всех вышедших томах и выпусках.

В предисловии ко 2-му вып. I тома (стр. XI) нами была указана тесная связь между революционным движением «шестидесятых» и «семидесятых» годов. «То, что существовало в зародыше в «шестидесятых» годах,—писали мы в предисловии,—то, что мыслилось теоретически одним поколением, было развито и осуществлено на практике поколением следующим». Основное положение движения «шестидесятых» годов—выход из кружка и стремление сблизиться с массами—в «семидесятых» годах претворяется в действительность и—худо ли хорошо—осуществляется на практике. Поэтому, характерным признаком движения «семидесятых» годов является широкая пропаганда в народе. Протекшее десятилетие показало неосновательность надежды на то, что освобожденные крестьяне в о с с т а н у т с а м и и нужно будет их только направлять или сдерживать (прокламации Огарева и Чернышевского). Мысль о том, что народ г о т о в к восстанию, еще жива и в «семидесятых» годах, но даже и в этом случае народ надо п о д н я т ь к восстанию (бакунизм); в худшем же случае е г о придется еще п о д г о т о в л я т ь к нему (лавризм). Ждать, когда вспыхнет восстание само, уже не приходится: надо «игти в народ» и так или иначе работать среди него; надо подготовить кадры (и очень большие) таких работников; надо создать специальную литературу как для пропагандистов, так и для пропагандируемых. Попытки распространять нелегальную литературу среди крестьян были и раньше, но можно с уверенностью сказать, что почти ничего из нее не дошло до тех, кому она предназначалась. Если присмотреться к деятелям движения «шестидесятых» годов, то большинство

из них было привлечено за составление и печатание этой литературы. Подавляющему же большинству привлекавшихся к дознаниям в «семидесятые» годы инкриминировалось «распространение» или «имение» так называемой запрещенной, нелегальной литературы. Пропаганда в «семидесятых» годах развивается в ширину и глубину, и движение того времени представляется теперь совсем не таким бесплодным, как это казалось тогда самим пропагандистам

Революционное движение, выходя из кружков, охватывавших сравнительно небольшое количество участников, преимущественно студентов столичных университетов, делается теперь широким. Социальный состав участников движения в «семидесятых» годах становится более демократическим, хотя в подавляющем большинстве случаев не выходит из буржуазных слоев.

В движении «шестидесятых» годов, особенно первой их половины, принимают деятельное участие лица с определенным общественным «положением»; многие из них быстро отходят от революционного движения при первом нажиме правительства. Многие из отошедших делают впоследствии крупную служебную карьеру (сенатор, товарищ министра, начальник ген. штаба и т. п.). В «семидесятых» годах мы прежде всего встречаем много лиц, продолжающих участвовать в движении до конца своих дней, после каторги, в ссылке, в эмиграции, т.-е. тех, которых потом будут называть «профессионалами». Среди лиц, отошедших от движения, мы не видим совсем людей с крупным общественным положением; доктор, инженер, ветеринарный врач, статистик, служащий в частных предприятиях, газетный или журнальный работник— вот кем делаются впоследствии участники движения «семидесятых» годов. Учащаяся молодежь высших столичных заведений попрежнему играет видную роль; но, кроме нее, среди привлеченных по политическим делам еще более видное место занимают: провинциальное студенчество, учащиеся всевозможных технических и специальных заведений, учащиеся средних учебных заведений (преимущественно семинаристы), мелкие чиновники, распропагандированные мещане, крестьяне, рабочие. Наконец, вторая половина 1870-х г.г. дает нам большое количество рабочих, участников стачек на столичных и провинциальных заводах и фабриках.

При охвате революционным движением столь широких слоев населения, нам казалось, что критерием для внесения в справочник того или другого лица могут служить не только его активное участие в движении и не только понесенное им наказание. Обыск, арест, произведенные на основании лишь агентурных сведений; привлечение к дознанию, прекращаемому потом по недостатку улик; подозрение в политической неблагонадежности, основанное на перлюстрации писем или на тех же агентурных донесениях; близкое знакомство с привлеченными по политическим преступлениям; нахождение запрещенных сочинений при обыске; сведения, компрометирующие лицо в политическом отношении, но признанные недостаточными для привлечения его к дознанию,—все это давало нам основание для внесения таких лиц в справочник, имеющий свою целью дать предварительный список участников революционного движения в России за указанный период.

Широте революционного движения в центре России соответствовало развитие его и на окраинах. Поэтому, в настоящий том впервые введены нами участники национальных революционных кружков, поскольку они не преследовали узконациональных целей, а шли вместе с деятелями русского революционного движения. Таковы привлекавшиеся по делу о пропаганде в Тифлисской и Кутаисской губерниях (1876 г.), таковы участники социально-революционной пропаганды в Варшаве (дело 137-ми 1878—1879 г.г.), таковы члены еврейских кружков, организованных в Зап. крае в сред. 1870-х г.г. Зунделевичем, Давидовичем и др. Несмотря на некоторые специфические черты, все они

находятся в тесной связи с общерусским революционным движением: они ведут ту же народническую пропаганду, распространяют ту же пропагандистскую литературу.

Так же, как и в предыдущих выпусках, мы не причисляли к «революционным» деятелям лиц, произнесших «дерзкие слова против особы его императорского величества», несмотря на то, что произнесение таких слов квалифицировалось тоже, как государственное преступление. Количество лиц, произносивших эти слова, увеличилось в «семидесятые» годы (особенно в конце их) очень сильно, при чем многие из них несли тяжелое наказание, до ссылки в Якутскую область включительно; но все-таки «дерзкие слова» ни в коем случае не могут быть показателем революционности лиц, произносивших их. Произнесенные обыкновенно в нетрезвом виде, они характеризуют обывательское недовольство, но не революционность.

Для периода «семидесятых» годов мы не располагаем таким сводным, насыщенным фактическим содержанием источником, как «История социально-революционного движения» С. С. Татищева, положенная в основу «шестидесятых» годов. Немногочисленные существующие общие труды являются или компилятивными очерками (напр., Глинский, Корнилов и др.), или, сосредоточивая внимание на общих характеристиках, естественно не могут останавливаться на деталях. Поэтому, при составлении биографической канвы деятелей «семидесятых» годов нам пришлось работать не над одним основным источником, лишь корректируя и дополняя его сведения второстепенными, а над целым рядом источников, и на основании разрозненных и зачастую противоречивых сведений уже составлять общую сводку. Работа эта, естественно, была сопряжена с большими трудностями, в виду обилия лиц и разнообразия источников, как печатных, так и рукописных.

Печатная литература по истории революционного движения «семидесятых» годов, использованная нами в первую очередь, очень многочисленна и разнообразна. В нее входят и мемуары, и материалы, даваемые современной нелегальной литературой, в частности журналистикой, и монографические исследования об отдельных деятелях или моментах движения, и документы судебного происхождения (обвинительные акты, стенографические отчеты), и, наконец, документальные публикации архивных материалов.

Первое по количеству место среди печатных источников занимают, конечно, мемуары, в чистом ли их виде (воспоминания) или в виде статей-исследований, составленных современниками описываемых событий. В сред. 1900-х г.г., когда впервые появилась возможность на страницах легальных журналов широко коснуться революционного прошлого, многие из участников «семидесятых» годов были в цвете лет и охотно делились своими воспоминаниями о событиях, свидетелями которых они были 30—40 лет тому назад. Интерес к мемуарной литературе не ослабевает с тех пор, вследствие чего, преимущественно на страницах «Каторги и Ссылки», появляются все новые и новые воспоминания. Большое количество мемуаров, в дополненном, переработанном виде или просто перепечатанных из старых журналов, появляется также и в отдельных изданиях. Но вся эта многочисленная литература, крайне ценная для характеристики личности самого мемуариста, для событий, в которых он сам принимал непосредственное участие, для наиболее ярких и крупных лиц, с которыми ему приходилось сталкиваться, наконец, для обрисовки общей картины движения, дает сравнительно мало сведений о деталях событий, о рядовых участниках, что особенно ценно для целей составляемого справочника. Кроме того, тридцать-пятьдесят лет—срок вполне достаточный для того, чтобы из памяти мемуариста исчезла точная датировка событий, осо-

бенно если они не касаются самого автора. Необходимо также отметить, что очень многие мемуаристы естественно больше говорят о своем пребывании в тюрьме, каторге и ссылке, чем о своем непосредственном участии в движении. Наконец, не следует забывать, что по условиям конспирации многое могло оставаться вне поля зрения мемуариста.

Противоположностью мемуарной литературы, отделяемой от событий большим промежутком времени, а потому рисующей революционное движение широкими мазками, является современная событиям нелегальная литература, особенно журналы, выходившие, так сказать, по горячим следам событий. В разгаре борьбы, конечно, трудно отделить важное от неважного, крупное от мелочей. Поэтому, отделы «Наши домашние дела», «Корреспонденции», «Хроника революционной борьбы» в нелегальных журналах являются особенно ценными для справочника, так как сообщают много деталей: имена, даты арестов и т. п. Но и этот источник, при всей его ценности, имеет и свои недостатки. Сведениями нелегальных журналов приходится пользоваться с некоторою осторожностью в виду того, что многое занесено в хронику без надлежащей проверки, многие факты изображены в преувеличенном виде или даже сознательно искажены по условиям конспирации.

Очень ценными для справочника оказались источники судебного происхождения: обвинительные акты, стенографические отчеты и т. п. Все они, как основанные на большом предварительном следственном материале, дают очень много точных фактических данных как о самих привлеченных к делу (даты жизни, нелегальные фамилии, сведения о происхождении, образовании и т. п.), так и о событиях, участниками которых они были. К сожалению, подобных материалов имеется в печати очень мало: в конце 1870-х г.г. печатание судебных отчетов было прекращено по распоряжению правительства, а, кроме того, процент семидесятников, судившихся особым присутствием Сената или военно-окружными судами, очень незначителен. так как большинство дел было разрешаемо в административном порядке.

Самыми же ценными печатными источниками для справочника являются либо документальные публикации историко-революционных материалов, появляющиеся преимущественно на страницах «Красного Архива», «Историко-Революционного сборника» и т. п., либо сравнительно немногочисленные монографические исследования и заметки, основанные на изучении архивного материала. Печатаемые современному событию письма или написанные непосредственно после событий автобиографические записки, автобиографические показания участников дают именно то, чего нет зачастую в позднейших мемуарах: свежесть восприятия и большое количество фактических деталей. Ценность подобного материала увеличивается еще тем, что документы, в большинстве случаев, снабжаются комментариями, составленными тоже на основании архивных данных, дополняющими сведения основного источника. То же можно сказать и о монографических исследованиях по отдельным вопросам. К сожалению, и в этом отношении мы не располагаем особенно богатым материалом, так как научная монографическая разработка «семи-десятих» годов еще начинается по мере того, как выявляются архивные богатства. Необходимо отметить также, что и документальные публикации и монографические исследования, как предназначенные для печати, естественно, должны касаться более интересных для читателей событий революционного движения или более крупных участников его.

Из беглого обзора основных печатных источников ясно видно, что, наряду с крупными достоинствами, они имеют и крупные недостатки и для справочника оказываются недостаточными. Библиография об очень многих лицах, помещенных в настоящем томе, совсем не имеет ссылок на печатную литературу: для огромного же большинства печатная литература в лучшем

случае лишь характеризует личность участника, сообщая очень расплывчатые даты, а иногда содержит лишь голое упоминание имен. Такие необходимые указания, как дата ареста, время пребывания под стражей, привлечения к дознанию, разрешения дела и т. п., очень часто отсутствуют в печатных источниках. Лишь архивный материал, использованный во всей широте, со всеми подробностями, а не только в тех отдельных случаях, когда таковые материалы являются более или менее интересными для печатных публикаций, может заполнить пробелы печатных источников. По мере хода работы над настоящим томом справочника, нам все чаще и чаще приходилось обращаться к архивным материалам; при этом нами намечались к использованию фонды трех учреждений, ведавших судьбою революционных деятелей этого периода: 1) фонд находившегося в 1870-х г.г. в полном расцвете III Отделения собственной его величества канцелярии, в руках которого был сосредоточен весь политический сыск, 2) фонд министерства юстиции, направлявшего к тому или иному разрешению дознание, и 3) фонд министерства внутренних дел, ведавшего судьбою революционера после разрешения дела—во время его нахождения под надзором, в ссылке, на каторге и т. п.

В предисловии к первому вып. I-го тома справочника (стр. XXV) нам уже пришлось говорить о подготовляемом в нач. 1880-х г.г. в Департаменте полиции С. С. Татищевым общем труде по истории революционного движения за период 1860—1881 г.г. Как указывал составитель в предисловии к этой работе, целью его было: «в биографическом обзоре каждого из лиц, привлеченного по политическим делам, проследить его деятельность от первого привлечения до смерти, до снятия полицейского надзора и т. п.». Составлена, как известно, была лишь первая часть этого труда (1860-е г.г.), но материал подготовлен для всей работы—до 1881 г. По плану, составленному С. С. Татищевым, несколькими чиновниками Департамента полиции было сделано свыше 10.000 «справок» на революционных деятелей 1870-х г.г. непосредственно по делам III Отделения, преимущественно по делам 3-ей его экспедиции, в которой был сосредоточен политический розыск. «Справки» эти представляют собою выписки из дел всего, что касается лица, на которое составляется «справка»—«от первого привлечения до смерти, снятия надзора и т. п.». В «справке», естественно, упоминались и все те, с кем основное лицо соприкасалось в своей революционной деятельности. Для справочника особенно ценно, что извлекались из дел лишь фактические сведения, без попытки дать какую-либо их оценку; даже имеющиеся в некоторых случаях сводки этих выписок представляют собою простое соединение их в хронологическом порядке. «Справки»—лишь черновой, сырой материал, предназначенный к обработке в соответствующем освещении департаментского историка.

«Справки», к сожалению, не дошли до нас целиком; сохранившиеся описи их показывают, что большое количество их утеряно; часть же их размещена в позднейших личных делах Департамента полиции. При таком положении дела, при использовании «справки» для Словаря, пришлось выписывать биографические сведения не только на основное лицо, на которое была составлена «справка» («основная» карточка), но и на всех упоминавшихся в «справке» лиц (карточки «дополнительные»), что, до некоторой степени, восполняло утраченные «справки» и давало возможность при сводке производить проверку, делать различные сопоставления и т. п.

Указанные справки хранятся (каждая справка в особом конверте) в архиве бывш. III Отделения в алфавитном порядке фамилий участников революционного движения «семидесятых» годов. Этими фамилиями и обозначаются в библиографии «справки». На первом месте нами всегда указывается основная «справка» под фамилией того лица, биографические сведения о котором сообщены выше: далее, в алфавитном порядке перечисляются «справки»,

в которых данное лицо лишь упоминается в связи с другими лицами. В виду того, что при каждой выписке (а таковых в каждой «справке» бывает несколько) всегда указывались: № дела, год, под которым дело хранится в архиве, и листы дела, где упоминается данное, лицо, «справки» эти являются для всякого занимающегося революционным движением этого периода—ключом к делам III Отделения.

Работа по использованию «справок», т.-е. расписывание их сведений на отдельных карточках, на первые четыре буквы была проделана нами в Ленинграде, где до 1924 г. хранились первоначально «справки», а потом, когда архив III Отделения был целиком перевезен в Москву, над остальными буквами с 1926 г. работали в Москве по выработанной нами инструкции Ив. Ив. Абол, Митрф. Мих. Клевенский, Ал-др Ал-др. Полянов и Леонт Иван. Радченко.

Очень ценным дополнением к «справкам», составленным по делам III Отделения, является «Список лиц, разыскиваемых по делам Департамента полиции», выходявший с нач. 1880-х г.г. приблизительно через каждые два года. «Списки» эти хотя и были печатаемы, широкого распространения, конечно, не имели, так как носили совершенно секретный характер, при чем каждое предшествующее издание «Списка» подлежало «непременному уничтожению», как только выходило новое издание. Для справочника мы пользовались «Списками» за 1883, 1887, 1889, 1891, 1893, 1895 и 1899 г.г. В «Списке» сообщались: фамилия разыскиваемого лица, его имя и отчество, звание, приметы, биографические даты, фамилии, под которыми оно проживало, дата его эмиграции и «основание» розыска, т.-е. сведения об участии его в революционном движении. Для 1880-х г.г. в «Список» входили почти исключительно лица, эмигрировавшие из России за границу.

Несмотря на обилие фактического материала, даваемого «справками» III Отделения, одними ими все-таки ограничиться было нельзя, так как «справки», почти исчерпывающе намечая участников движения, не сообщали целого ряда важных сведений о них. Так, напр., моменты привлечения лица к дознанию и разрешения о нем дела, хорошо отраженные в делах министерства юстиции, очень слабо отмечены в делах III Отделения. Это обстоятельство, а также утеря части «справок», заставили нас обратиться к другому архивному фонду—фонду министерства юстиции, рассматривавшего дела по государственным преступлениям по существу.

Архивный материал министерства юстиции для 1870-х г.г. имеет особенное значение. При широте развития революционного движения, правительство не имело возможности преследовать всех участников движения судебным порядком, так как зачастую не располагало достаточно обоснованными юридическими уликами; к тому же суд не всегда оправдывал возлагавшиеся на него надежды (ср. результаты нечаевского процесса). В виду этого, согласно новому закону 19 мая 1871 г., дела о государственных преступлениях могли разрешаться не только судом, но и внесудебным порядком. Министр юстиции сообщал свои предположения относительно разрешения дела шефу жандармов; после соответствующих поправок в министерстве юстиции составлялся доклад на высочайшее имя, который содержал изложение обстоятельств дела, устанавливал степень участия различных лиц, предлагал определенные наказания для каждого лица или делал постановление о прекращении дела. Представленный на высочайшее имя доклад министра утверждался государем, и дело разрешалось тем самым в административном порядке. Указанное содержание докладов министра юстиции давало богатый фактический материал и делало необходимым его использование для составляемого справочника. Во многих случаях, как видно из приводимой библиографии, доклады министра юстиции оказывались единственным источником для биографии.

так как «справка» III Отделения на то же лицо не дошла до нас по каким-либо причинам. В других же случаях доклады значительно дополняли и исправляли «справки», создавая таким образом твердое основание для биографической канвы.

Дела министерства юстиции и составленные по ним доклады представляют исключительную ценность во всех случаях, когда дело, не доходя до суда, разрешалось в административном порядке (а таковых для 1870-х г.г., по крайней мере, до 80%). Но важны они также и в тех сравнительно немногочисленных случаях, когда дело разрешалось судебным порядком, в частности судом особ. присутств. Сената, так как окончательное утверждение приговора происходило опять-таки по высоч. повелению после соответствующего доклада министра юстиции.

Прекрасная сохранность докладов за 1870-е г.г. и полное отражение в них дел министерства юстиции позволили для «семидесятих» годов не прибегать к непосредственному просмотру самих дел, тем более, что в архиве бывш. министерства юстиции сохранился составленный еще в старое время алфавитный указатель лиц, привлекавшихся по государственным преступлениям в 1870-х и перв. пол. 1880-х г.г. Каждая карточка этого алфавитного указателя носит название «Справочный листок об обвиняемом в государственном преступлении». Карточка делится на графы: 1—фамилия, 2—имя и отчество, 3—возраст (в какое время), 4—вероисповедание, 5—звание (по правам состояния), 6—степень образования, 7—занятие, 8—средства к жизни, 9—семейное положение, 10—к каким делам привлекался. Последняя графа имеет следующее пояснение: «указание этих дел в хронологическом порядке, с обозначением по каждому существу его, № и года по настольным реестрам 2-го угол. отделения, времени и места возникновения дела и течения оно, а также возможно краткое, но ясное указание, в чем выразилось участие в деле обвиняемого, и когда, в чем, в каком порядке дело по отношению к нему разрешено». Эти «справочные листки» для «семидесятих» годов чаще всего заполняют графы: фамилия, имя и отчество, возраст, звание; вместо же требуемых последней графой подробных сведений о существе дела, для «семидесятих» годов обыкновенно указывается только № и год дела 2-го уголовн. отделения министерства юстиции. Указанные «справочные листки» иногда пополняют доклад министра юстиции, но главная их ценность в том, что они для дел министерства юстиции являются таким же ключом, что и «справки» для дел III Отделения с. е. и. в. канцелярии, указывая всегда № и год дела. На этом основании мы и вносили указания на «справочный листок» в отдел библиографии.

Помимо архивных материалов III Отделения и министерства юстиции, нам пришлось частично использовать третий архивный фонд—фонд министерства внутренних дел, в виду того, что первые мало или совсем ничего не говорят о дальнейшей судьбе участника революционного движения после решения его дела в административном порядке. Напр., доклад министра юстиции заканчивается постановлением о высылке лица под надзор полиции в одну из северо-восточных губерний. Остается неизвестным, в какой именно губернии и в каком городе поселено данное лицо, с какого времени, куда переведено и т. д. Все эти сведения даются «Ведомостями по отдельным губерниям о лицах, состоящих под надзором полиции», хранящимися в архиве бывш. министерства внутренних дел. Об этих «Ведомостях» мы уже говорили в предисловии ко второму выпуску I тома (стр. XIII).

Как и для предыдущего выпуска, нами был использован и для «семидесятих» годов из фонда Петропавловской крепости «Список» лицам, заключенным за эти годы в крепости. К сожалению, для «семидесятих» годов «список» этот не имеет такого значения, какое он имел для «шестидесятих» годов,